

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ,
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ (2019)**

© 2020

О. П. Бибикова, Н. Н. Цветкова*

В статье рассказывается о работе научной конференции «Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки», проведенной в Институте востоковедения РАН в марте 2019 г. В докладах на конференции рассматривались новые тенденции в глобализации, вопросы применения прорывных технологий в афро-азиатских странах, экономические отношения между странами. Большое внимание было уделено анализу этноконфессиональных проблем, прежде всего в странах Ближнего Востока и Северной Африки, проблем диаспор.

Ключевые слова: афро-азиатские страны, глобализация, прорывные технологии, этноконфессиональные проблемы, мусульмане, диаспоры.

Для цитирования: Бибикова О. П., Цветкова Н. Н. Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки (2019). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 331–340. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-331-340

**ECONOMIC, SOCIO-POLITICAL, ETHNIC AND CONFESSIONAL
PROBLEMS OF THE COUNTRIES OF ASIA AND AFRICA (2019)**

Olga P. Bibikova, Nina N. Tsvetkova

The article reviews the work and proceedings of the academic conference *Economic, Socio-Political, Ethnic and Confessional Problems of the Countries of Asia and Africa*, which took place at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in March 2019. The overview of the talks deals with such problems as new trends in globalization, application of innovative technologies in Afro-Asian countries, especially in the Middle East and North Africa, ethno-confessional problems, and the problems of diasporas.

Keywords: Afro-Asian countries, new trends in globalization, disruptive technologies, ethno-confessional problems, Muslims, diasporas.

---

* Ольга Павловна БИБИКОВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; olbibikova@mail.ru

Olga P. BIBIKOVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; olbibikova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9140-8372

Нина Николаевна ЦВЕТКОВА, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; vladtsvetkov@mail.ru

Nina N. TSVETKOVA, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; vladtsvetkov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4126-9159

For citation: Bibikova O. P., Tsvetkova N. N. Economic, Socio-Political, Ethnic and Confessional Problems of the Countries of Asia and Africa (2019). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 331–340. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-331-340

18 и 20 марта 2019 г. в Институте востоковедения РАН прошла ежегодная конференция «Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки», организованная Центром исследований общих проблем современного Востока (ЦИОП) Института востоковедения РАН (ответственные за организацию О. П. Бибикова, Н. Н. Цветкова). Всего на конференции выступили с докладами более 50 человек, в том числе сотрудники ЦИОП, Отдела экономических исследований (ОЭИ), Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока (ЦБСВ), Центра Юго-Восточной Азии (ЦЮВА), Центра арабских и исламских исследований (ЦАИИ), Отдела литератур народов Востока (ОЛНВ) ИВ РАН, преподаватели, аспиранты ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, Экономического факультета МГУ, Факультета мировой политики МГУ, МГИМО МИД РФ, РАНХиГС, РГГУ, Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова (РЭА), сотрудники Института Африки РАН, Института этнологии РАН, Института стран СНГ. В обсуждении приняли участие более 60 человек.

Конференцию открыл *В. Я. Белокреницкий* (ИВ РАН). Работа конференции велась по двум круглым столам: «Экономические и социально-политические проблемы» и «Этноконфессиональные проблемы».

На круглом столе «Экономические и социально-политические проблемы афро-азиатских стран» (18 марта) главное место заняло обсуждение блока проблем «Новые технологии и страны Азии и Африки».

А. В. Акимов (ОЭИ ИВ РАН) выступил с докладом об использовании служебных роботов в странах Востока и его возможных последствиях. Интересным примером адаптации робототехники и других новых технологий к нуждам потребителей является японская политика в области создания средств по уходу за пожилыми людьми.

Доклад *А. Г. Беловой* (Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова) был посвящен проблемам развития шеринговой экономики в странах Восточной Азии. Так, в Южной Корее реализуется муниципальная программа по внедрению шеринга в городскую культуру «Шеринговый город Сеул». Программа сфокусирована на устойчивом развитии Сеула, расширении интернет-доступа, создании «новой культуры шеринга» в долгосрочной перспективе. Большое внимание развитию шеринговой экономики уделяется в Китае, в Сингапуре.

М. Г. Борисов (ИВ РАН) выступил с докладом о новых технологиях в энергетике, о перспективах «энергетического перехода» в странах Востока. Мировая энергетика вступает в период революционных технологических изменений одновременно по многим направлениям. Появляются новые способы получения энергии (углеводороды из сланцевых пород, возобновляемые источники энергии), новые способы хранения и транспортировки энергии (СПГ, системные и бытовые накопители), широкий спектр технологий, объединяемых общим термином «цифровая энергетика». Все эти изменения являются составными частями начинающегося энергетического перехода (energy transition).

И. А. Тимонина (ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова) посвятила свой доклад стратегии инновационного развития Японии «Общество 5.0», которая была провозглашена в Пятом плане развития науки и техники. Данная стратегия позиционируется как стратегия инновационного развития страны, она несет в себе некий философский подход и футуристический заряд, охватывает все сферы жизни и, по сути, представляет собой модель будущего общества, где технологии и производство обеспечивают комфортную и безопасную жизнь для всех граждан страны.

Н. Н. Цветкова (ИВ РАН) выступила с докладом на тему «Развитие цифровой экономики: афро-азиатские страны». Она подробно остановилась на примере Китая, где расширяется использование интернета, сервисов цифровой экономики. Что весьма важно, Китай является мировым лидером в экспорте цифрового оборудования, он обеспечивает цифровую трансформацию многих стран. Сервисы цифровой экономики стремятся развивать и страны Африки.

В докладе *С. В. Ивановой* (РЭУ имени Г. В. Плеханова) речь шла о цифровой трансформации в Республике Корея (РК). В 2017 г. РК вошла в топ-10 стран по индексу цифрового развития. Речь идет о высокой степени доступа к интернету; наличии спроса потребителей на цифровые технологии; создании необходимой институциональной среды, включая законодательство и структуры электронного правительства; благоприятном для вложений в цифровые стартапы и ведения НИОКР инвестиционном климате. *А. В. Латышов* (РЭУ им. Г. В. Плеханова) посвятил доклад развитию электронной торговли в Республике Корея. Внутренняя электронная торговля РК к началу 2018 г. составила 25,3 % от всей розничной торговли в РК. По объему оборота этой отрасли в 2018 г. РК находилась на четвертой позиции в мире, после США, Китая и Японии.

А. А. Елисеева (ИВ РАН) выступила с докладом «Китай и США: соперничество за искусственный интеллект». Она утверждала, что Китай является серьезным конкурентом США и в силу ряда факторов имеет все шансы, чтобы опередить США в данной сфере. В докладе *Е. С. Ващенко* (ИВ РАН) рассматривались проблемы развития технологий 3D-печати в Китае. Технологии 3D-печати применяются во многих отраслях, включая строительство, электроэнергетику, ракетостроение, медицину.

А. П. Дебриглазова (ИАФР РАН) выступила с докладом на тему «Внедрение электронных платежей при оказании государственных услуг в Нигерии». Она отметила, что на январь 2019 г. в Нигерии работало более 40 различных платформ электронных платежей. Государство начало активную интеграцию электронных платежей в систему государственных услуг. Первым и на текущий момент самым популярным среди населения стал проект *BuyPower*, платформа, которая позволяет нигерийцам покупать электрические единицы (токены) в любой точке страны, в необходимом объеме для себя или третьих лиц. В Нигерии стало популярным дарить электроэнергию на праздники родственникам и друзьям. Благодаря работе *BuyPower* и аналогичных компаний доходы государства от продажи электроэнергии выросли на 20 %. Еще одним уникальным решением стал сервис электронного получения виз для иностранных граждан.

В докладе *А. П. Мурановой* (ИВ РАН) рассматривался вопрос об использовании ИКТ в налоговых органах стран Юго-Восточной Азии. В 1998 г. власти Сингапура были среди первых в мире правительств, открывших электронный сервис для заполнения деклараций по подоходному налогу физических лиц. Четко обозначились

три группы стран: первая группа, наиболее развитая, — Сингапур, Бруней Даруссалам, Малайзия и Таиланд, где налоговая администрация очень эффективно внедряет ИКТ; вторая группа — Индонезия и Филиппины, где сфера применения ИКТ несравненно более узкая, и третья группа — Вьетнам, Мьянма, Камбоджа и Лаос, где налоговые службы только начинают более широко пользоваться современными средствами сбора налогов.

Г. М. Костюнина (МГИМО МИД РФ) выступила с докладом об эволюции промышленной политики в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Она отметила, что многие из этих стран утвердили национальные стратегии по Четвертой промышленной революции, такие как «Национальная смарт-инициатива Сингапура», «Таиланд 4.0», «Сделано в Китае 2025».

И. В. Дерюгина (ИВ РАН) представила доклад о новых технологиях в сельском хозяйстве стран Востока, *Е. В. Растяжникова* (ИВ РАН) — о внедрении инноваций в добыче железной руды и золота в странах БРИКС, *А. Н. Обухова* (ИВ РАН) — о развитии информационных технологий в Иране.

Второй блок проблем, рассмотренный на круглом столе, — экономические и социально-политические проблемы афро-азиатских стран в контексте глобализации, экономические отношения между странами. В странах Востока происходят немалые изменения по мере их втягивания в глобализацию. Об этом шла речь в докладе *В. Я. Белокреницкого* (ИВ РАН) о сравнительном анализе и перспективах экономического развития Бангладеш и Пакистана. Если вначале Бангладеш безнадежно отставала от Пакистана, доход на душу населения был почти вдвое меньше, то в последнее время разрыв сильно сократился, а по темпам экономического роста Бангладеш почти вдвое превосходит Пакистан. Среди внутренних факторов роста Бангладеш надо отметить государственную политику по развитию человеческого фактора, причем особенно важна гендерная составляющая. Женская грамотность выросла в 2–3 раза. Помимо женской грамотности увеличилась производительная женская занятость. Важная причина этого — крутой подъем отрасли по изготовлению готовой одежды, ориентированной на экспорт, она фактически создана иностранным скупочным капиталом, такими фирмами, как *H&M, Walmart, Marks and Spencer* и др. Экспорт готовой одежды в 2017 г. дал почти 80 % экспортных поступлений. Женская грамотность и занятость вне дома привели к снижению темпов роста населения. Если Бангладеш крылом затронула «глобализация мира», то Пакистан оказался жертвой «военной глобализации». С конца 1970-х гг. он попал в афганскую «воронку» и не может выбраться оттуда до сих пор. Непомерным военным расходам способствует и вражда с Индией. Военные расходы достигали в 1980-х гг. 7 % ВВП и превосходили затраты центрального правительства на образование и здравоохранение в два — два с половиной раза. Грамотность населения остается низкой: менее 60 %, а женского населения — менее 40 %. Отсутствие женской занятости в индустрии готовой одежды (в Бангладеш женщины составляют примерно 80 % всех занятых в этой отрасли) не привело к заметным изменениям в социальной организации пакистанского общества. Отсюда — отсутствие спроса на средства ограничения рождаемости, равнодушное отношение государства в проблеме планирования семьи и демографический протуберанец — в то время как везде в мире темпы роста населения серьезно упали, в Пакистане они остались почти неизменными за последние примерно 20 лет.

Тенденции к вовлечению страны в «глобализацию войны», к развитию «экономики войны» рассматривались на примере Центральноафриканской республики в докладе *Т. С. Денисовой* (ИАФр РАН). Нищета значительной части населения, рост коррупции и сохранение политической нестабильности, связанной с незаконной добычей полезных ископаемых и развитием «экономики войны» в целом, являются характерными чертами не только ЦАР, но и многих других богатых ресурсами африканских стран.

В статье *Т. А. Дейч* (ИАФр РАН) характеризуется такая черта глобализации последних лет, как перенос ТНК из Китая трудоемких производств в ряд стран Африки. Повышение зарплат в Китае создало возможности для африканских экономик притягивать зарубежные производства интенсивного труда, которые начали покидать Китай. Китай разворачивает масштабную индустриализацию полупериферийных и периферийных стран, причем во многих из них обрабатывающая промышленность создается фактически с нуля в агропромышленных парках и специальных зонах производственного сотрудничества. Появились китайские текстильные предприятия в Нигерии, 500 мануфактурных производств в Эфиопии.

Немалое внимание было уделено проблемам региональной экономической интеграции, отношениям стран Азии с Россией, с другими партнерами. В докладе *Т. А. Тутновой* (ИВ РАН) был представлен анализ торгово-экономических отношений Китая и Евросоюза. ЕС — крупнейший торговый партнер Китая, для Евросоюза Китай является вторым торговым партнером. К крупнейшим проектам с участием КНР в Европе в области инфраструктуры относятся реконструкция порта Пирей в Греции, строительство железной дороги Белград — Будапешт, которую планируется состыковать с греческим портом Пирей.

О. В. Мосолова (ИВ РАН) представила доклад «Место Австралии в системе мирохозяйственных связей в условиях информационной революции».

А. А. Пахомов (ИПЭИ РАНХиГС) выступил с докладом «Возможности и ограничения инвестиционного взаимодействия России со странами Азии». Большие надежды российской стороны на прорыв в области инвестиционного сотрудничества с Китаем пока не сбылись. Однако можно увидеть, что Китай в общих чертах уже сформировал модель своего инвестиционного присутствия в России. На внутреннем рынке страны реально работает немало известных китайских компаний различных отраслей. Солидно представлен финансовый сектор в лице дочерних структур крупнейших госбанков, задействованы возможности Фонда Шелкового пути.

О. А. Ледовская (ИВ РАН) отметила в докладе «Основные направления политики Японии на Южном Кавказе», что основой экономического сотрудничества между Японией и Азербайджаном продолжает оставаться сильная заинтересованность Японии в разработке энергетических ресурсов региона. В Грузии интересы Японии связаны с транзитом нефти. Японские инвестиции в экономику Армении ограничиваются в основном вливаниями через государственные структуры.

Т. Н. Устинова (ИВ РАН) в докладе «Участие Японии в экономических проектах на российском Дальнем Востоке» отметила, что Япония рассматривает российский Дальний Восток как важнейший плацдарм, предусматривающий бесперебойное поступление энергетического сырья. Для России Япония — это страна, которая может помочь в решении проблем с развитием экономики и промышленных технологий.

После событий на Украине в 2013–2014 гг. Япония присоединилась к санкциям США и стран ЕС. Такая ситуация продолжалась около двух лет, однако с конца 2015 г. намечились тенденции к активизации двусторонних отношений

В докладе *В. А. Мельянцева* (ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова) было проведено сравнение уровней и факторов международной конкурентоспособности КНР и США. В ряде докладов рассматривались различные аспекты китайского проекта «Один пояс — один путь (ОПОП)», проблемы сопряжения ЭПШП (Экономического пояса Шелкового пути) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Доклады были посвящены и проблемам, находящимся на стыке экономических и этноконфессиональных процессов. *Н. М. Мамедова* (ИВ РАН) в докладе «Роль религиозного и этнического фактора в политике Исламской республики Иран (экономический аспект)» отметила, что в Иране религиозный фактор после исламской революции 1979 г. и образования исламской республики стал играть решающую роль в политике страны, в т. ч. и в экономической политике. Весьма значительными активами в иранской экономике обладает Корпус стражей исламской революции (КСИР). Большую роль в экономике Ирана играют вакфы и *боньяды*, исламские фонды, которые в отличие от вакфов образованы не на добровольной основе, а на базе конфискованной собственности.

О. А. Петрова (ИВ РАН) выступила с докладом о роли китайского меньшинства в экономике Индонезии в разные исторические периоды. В течение двух веков существования голландской Ост-Индской компании в Индонезии голландцы передали китайцам права взимать налоги, китайцы получили в аренду большие территории от местных правителей. В начале XIX в. почти вся торговля на острове Ява оказалась в руках китайцев. Период правления президента Сухарто (1966–1998 гг.) стал «золотым» для некоторых видных китайских бизнесменов, которые были друзьями президента.

В рамках *круглого стола по этноконфессиональным отношениям* были заслушаны несколько докладов, освещающих современную ситуацию на Ближнем Востоке, и в первую очередь в Сирии. Выступление *В. М. Ахмедова* (ИВ РАН) «Теоретические и методологические аспекты исламизма в Сирии» было посвящено анализу концепций исламистских движений и их роли в условиях сирийского кризиса. Он рассмотрел социальные и политические причины появления и развития исламизма в условиях сирийского вооруженного конфликта. Выдвинутые правительством Сирии в марте 2011 г. лозунги свободы, плюрализма, демократизации общественной жизни, отражавшие в своей основе законные требования широких слоев сирийского населения, не получили реального воплощения, что и привело к восстанию народных масс. В ходе противостояния лозунги социально-экономического протеста трансформировались в религиозные призывы экстремистского характера. В результате жертвы среди гражданского населения, колоссальные разрушения привели к изменению мировоззрения широких масс сирийского населения, многие мечети превратились в «штабы революции». По мере укрепления места и роли в восстании примкнувших к светской оппозиции вооруженных исламистских группировок, использовавших религиозную символику и базовые установки исламского государства, стала меняться публичная риторика командиров отрядов политической и военной оппозиции. Это ознаменовало поворот в сирийском восстании, который сопровождался обострением

конфессиональной розни между суннитами, алавитами и шиитами и расколом по линии межнациональных отношений между арабами и курдами.

Т. С. Василенко (РГГУ) рассмотрел взаимоотношения России с наиболее значимыми политическими партиями сирийских курдов «Демократический союз» (PYD) и Курдским национальным советом (ENRS) в русле урегулирования сирийского конфликта с учетом влияния Турции и США на события в Сирии. Из полутора десятка курдских политических партий существующих в САР, большинство входит в «Курдский национальный совет в Сирии» (ENKS). В настоящее время одной из серьезнейших проблем для курдского политического движения в Сирии является раскол между партией «Демократический союз» (PYD), по сути, партией власти в сирийском Курдистане (Рожаве), и партиями, входящими в ENKS. Глубинной причиной раскола является то, что PYD в отличие от ENKS, ориентируется на курдские круги в Турции и РПК. Докладчик отметил, что пока Анкара сеяла раздор между PYD и ENKS, Москва последовательно налаживала сотрудничество между ними. С появлением ВКС РФ в Сирии интенсивность контактов Москвы и представителей PYD возросла. Почувствовав в лице России новый вектор силы, курды стали стремиться заручиться поддержкой Москвы. Российские же власти стремились сформировать коалицию единомышленников из тех, кто реально противостоял радикалам. Разразившийся в конце 2015 г. российско-турецкий кризис только сблизил позиции PYD и РФ. Очевидно, что российские власти и другие страны-гаранты стремятся подтолкнуть Дамаск, светскую оппозицию и курдов к активному диалогу

Темой выступления *О. П. Бибиковой* (ИБ РАН) стал анализ современного положения палестинских беженцев, которые до сих пор проживают в специально организованных для них лагерях на территории ближневосточных стран. Нерешенность проблемы создания палестинского государства привела к тому, что численность беженцев за последние почти 50 лет выросла многократно: сегодня их более 5 млн. человек. Причем большая часть уже родилась в статусе беженца. Делами беженцев, их трудоустройством занимается Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), а также страны, в которых расположены лагеря. В 1990-е гг. в ряде стран заметно ухудшилось отношение к палестинцам, особенно после иракского нападения на Кувейт (август 1990 г.). Дело в том, что палестинцы первыми «поздравили» Саддама Хусейна с его вторжением в Кувейт, хотя эта страна обеспечивала ООП десятками миллионов долларов финансовой помощи ежегодно. Одним из результатов поддержки Я. Арафатом иракского вторжения в Кувейт в 1990 г. стал запрет для палестинцев въезда в Саудовскую Аравию, Кувейт и ряд других арабских стран, а также отъезда палестинцев из Кувейта, где поднялась волна антипалестинских настроений.

В. П. Кириченко (ИБ РАН) рассказал о положении ибадитской общины в Омане. Эта община является наследником хариджитов-ибадитов, течения, возникшего после первого раскола в исламе. В Омане они составляют 45 % населения. Мирное сосуществование ибадитов и суннитов (50 %) объясняется тем, что ибадитские богословы разработали свою концепцию законной власти, согласно которой важнейшей чертой имама было благочестие, а не наследование имамата, как у шиитов-имамитов. До тех пор пока имам правил в соответствии с шариатом, его последователи были обязаны повиноваться ему. Любое восстание против истинного имама было

тяжким преступлением. Принципы справедливого управления формируют самую суть ибадидского ислама, и они сильно повлияли на формирование оманского общества. В стране запрещена религиозная дискриминация, и все лица могут свободно совершать религиозные обряды до тех пор, пока они не нарушают общественный порядок. Клевета на любую религию или разжигание религиозной ненависти (в том числе через интернет) наказывается тюремным сроком. Характерно, что никто из оманских суннитов не присоединился к Исламскому государству (запрещенному в РФ) в Ираке и Сирии, а также не вступил в «Аль-Каиду на Аравийском полуострове» (АКАП). Султанат пытается играть миротворческую роль в йеменском конфликте, оказывая помощь йеменскому народу и принимая беженцев из этой страны.

Н. А. Гасымов (ИВ РАН) сосредоточил свое выступление на исследовании включения в законодательство арабских стран Персидского залива новых положений, в основном затрагивающих экономическую сферу. Он отметил, что шариат оказался не в состоянии перекрыть все правовое поле в условиях меняющегося мира. Поэтому в конституциях ряда государств Персидского залива декларируется, что шариат является «главным» источником законодательства. Это допускает существование иных, «неглавных», источников, создает возможность регулирования вопросов за пределами шариата и соответственно предпосылки для размывания исламских правовых канонов. Практически уже с XIX в. стали возникать новые отрасли права в областях, которые не затрагивали «священные основы». Применение норм мусульманского права уступило место применению норм, заимствованных в романо-германской семье общего права. Во многих мусульманских государствах в результате были вестернизированы конституционное, административное, уголовное, трудовое, гражданское и торговое право. Во второй половине XX в. появились кредитно-банковские учреждения, функционирующие по нормам шариата. В 1975 г. участники Организации Исламская Конференция учредили Исламский банк развития, который нашел способ гибко приспособить религиозную традицию к капиталистическому финансовому хозяйству. В частности, это касалось принципа *риба* (запрета на взимание ссудного ростовщического процента). Таким образом, произошло совмещение принципов ислама с современным капиталистическим способом производства, что позволило формировать промышленный и инвестиционный капитал.

В ходе заседания были также рассмотрены вопросы, связанные с положением иммигрантов из стран Востока в Европе.

Р. М. Шаритова (ИВ РАН) сделала сообщение о мусульманах-иммигрантах, проживающих в Великобритании. Она обратила внимание на то, как в Великобритании обсуждается вопрос о политическом, расовом и религиозном равенстве, указав, что в условиях, когда национальная идентичность формируется на основе таких конкретных понятий, как раса и религия, культурное многообразие и религиозный плюрализм исключаются. К мусульманам Британии часто относятся с точки зрения инаковости, в то время как пользование любым правом, закрепленным в законе, должно быть обеспечено без какой-либо дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, ассоциации с национальным меньшинством, собственности или других статусов. Согласно традиционному либеральному подходу, британское общество — это члены политического сообщества, основанного на рациональных и

либеральных ценностях. Современная стратегия по защите прав меньшинств дополнена толерантностью другой стратегии, гарантирующей индивидуальное право на защиту от дискриминации. Тем не менее, в стране допускают ограниченные меры дискриминации. Альтернативой является консервативный национализм, считающийся популярным механизмом определения национальной идентичности. Эта стратегия характеризует принадлежность к политическому сообществу, опираясь на такие критерии, как раса, общая память, доминирующая культура или религия большинства. В этом контексте национальная идентичность становится исторически обусловленным фактором.

А. А. Соколов (ИВ РАН) проанализировал состояние современной эмиграции из Вьетнама. Если раньше это в основном была трудовая эмиграция, включавшая тех, кто остался в странах Восточной Европы, где вьетнамская молодежь получала образование. Сегодня появились новые виды эмиграции — женская и детская. В ряде стран ЮВА, прежде всего в Китае, наблюдается недостаток женщин фертильного возраста, поэтому вьетнамские невесты стали там востребованы. Кроме того, вьетнамки также популярны в Европе, где мужчины хотят иметь покладистых и трудолюбивых жен. Что касается детской эмиграции, то она стала популярной прежде всего в странах Европы в связи с сокращением рождаемости.

Несколько докладов были посвящены мусульманским диаспорам. С. Б. Филатов (ИВ РАН) в своем сообщении «Мусульманское сообщество Санкт-Петербурга: традиции в контексте современных вызовов» рассказал о тех изменениях, которые происходили в мусульманской умме Санкт-Петербурга в постперестроечное время. Во-первых, сообщество стало мультинациональным. Если раньше большинство составляли татары, предки которых жили здесь с дореволюционных времен, то теперь умма пополнилась выходцами с Кавказа, Средней Азии, ее временными членами стали студенты из мусульманских стран. Во-вторых, появились этнические общины. В-третьих, руководители общин стали проводить просветительскую работу: были организованы первые медресе при общине «аль-Фатх»; проводятся «меджлисы» — богословские собрания. В городе, кроме исторической мечети на Петроградской стороне, была построена вторая мечеть на Московском проспекте. Тем не менее спокойную жизнь мусульман омрачают соперничество и интриги между лидерами общины, претендующими на руководство уммой города. Сегодня в Санкт-Петербурге проживает более 1 млн. мусульман.

Е. В. Кочеткова (ИВ РАН) рассмотрела положение китайской общины в Малайзии, где она занимает лидирующие позиции в экономике и культуре. Более сплоченная и образованная, она смогла занять ключевые позиции во всех стратегически важных сферах экономики Малайзии, оттеснив коренное население («бумипутра») в наименее прибыльные ее сектора, а усилившееся социально-экономическое неравенство между ними стало одной из главнейших проблем в жизни современного малайзийского общества. Китайцы также имеют самый высокий процент собственности среди трех основных этнических групп в Малайзии. Китайскому капиталу принадлежит 32 из 37 коммерческих банков Малайзии. Тем не менее с момента провозглашения независимости численность китайского населения Малайзии неуклонно сокращалась. Этому процессу во многом способствуют снижение рождаемости и высокий уровень эмиграции китайцев. Китайцы все чаще заявляют о своей дискриминации со стороны правительства в экономической, социальной и религиозной сфере.

Н. С. Скоробогатых (ИВ РАН) посвятила свое выступление рассмотрению проблем аборигенов Австралии в начале XXI в. Нынешние борцы за права коренных австралийцев отличаются от предшественников образованностью, многие из них лишь наполовину аборигены, некоторые — потомки правозащитников. Часть их стала профессиональными политиками, типичными представителями этнобюрократии. В политическом отношении эти люди склонны к сотрудничеству с левыми партиями: требования аборигенов охотно включаются в программы, и в их рядах активисты делают блестящие карьеры. Иногда правозащитники меняют партийную принадлежность и даже не всегда отстаивают интересы своих соплеменников, хотя у коренного населения по-прежнему существуют насущные и серьезные проблемы: низкий уровень жизни, плохие жилищные условия, доступ к системам здравоохранения и образования, преступность, алкоголизм и т. п.

Э. М. Сеитов (РГГУ) рассказал о формировании своеобразной идентичности потомков переселенцев из Ирана в Бухаре (Узбекистан), которые сохраняют приверженность шиитскому исламу, но в то же время соблюдают обряды жизненного цикла, во многом характерные для «общебухарского» культурного ареала. В частности, из-за удаленности шиитских святынь, объектами поклонения (*зиярат*) становятся локальные объекты, например, местные мазары шиитских святых, а также захоронения суннитских святых и почитаемых сподвижников, например, мавзолей Бахауддина Накшбанда. В результате идентичность ирони, проживающих в Узбекистане, включает в себя локальный фактор, который помогает адаптироваться в местное мусульманское сообщество.

И. А. Воробьева (ИВ РАН) посвятила свой доклад современному состоянию Константинопольской Православной Церкви (Вселенского Православного патриархата) и ее претензиям на главенствующие позиции в православном мире. Она подробно рассказала об истории патриархата, который после падения Византийской империи практически превратился в церковь религиозного меньшинства, зависящую от правящего султана. Постепенно пробуждение национального самосознания среди народов, находившихся под юрисдикцией Константинопольской Церкви, привело к созданию автокефальных национальных церквей. Кроме того, итогом Второй греко-турецкой войны (1919–1922 гг.) стал отъезд православных греков из Турции. Тем не менее константинопольские патриархи неоднократно предпринимали попытки для восстановления своей юрисдикции на территориях бывшей Османской империи. Было даже разработано некое учение об особых юрисдикционных правах Константинопольского патриарха. С 1991 г. константинопольским патриархом является Варфоломей I. В его правление произошли самые острые конфликты с Московским патриархатом. В 2018 г. вспыхнул конфликт вокруг Украинской Православной Церкви. Обращает на себя внимание, что большую поддержку Константинопольской Церкви оказывают США, эта поддержка носит как финансовый, так и политический характер.

На конференции докладчики рассмотрели много новых весьма актуальных вопросов применительно к странам Азии и Африки, возникших буквально в последнее десятилетие (шеринговая экономика, цифровая экономика, служебные роботы, развитие искусственного интеллекта). Весьма актуальны и злободневны проблемы, связанные с ролью этноконфессиональных факторов в странах Ближнего Востока, вопросы взаимодействия РПЦ с Константинопольским патриархом.